

ВОЕННОЕ ПРОСТРАНСТВО И ПАЙДЕЙЯ В ЖИЗНЕОПИСАНИЯХ ПИРРА И МАРИЯ*

София КСЕНОФОНТОС

Публикуемый текст представляет собой главу в книге, посвященной пространству, времени и языку в произведениях Плутарха. С. Ксенофонтос исследует опасности и ограничения исключительно военного образования в свете жизнеописаний Пирра и Мария. По ее мнению, военная сфера для Плутарха — это не просто фоновая обстановка, в которой действующие лица проявляют свою доблесть, а, скорее, жизненно важная среда для построения и интерпретации биографического описания. Такой подход позволяет пролить свет на поведение героя в других контекстах, например, в семье, в политике, философии и риторике, что, в свою очередь, влияет на нравственную и культурную самобытности героя.

В начале жизнеописания Пирра Плутарх предлагает своим читателям мифический рассказ, объясняющий основание поселения

* Оригинальное издание: Xenophonotos S. *Military space and paideia in the Lives of Pyrrhus and Marius // Space, Time and Language in Plutarch / Edited by A. Georgiadou and K. Oikonomopoulou. Berlin - Boston: De Gruyter, 2017. P. 317-236.* Перевод с английского А.Ю. Можайского. Автор перевода и издательство «Аквилон» выражают искреннюю благодарность проф. С. Ксенофонтос за любезное разрешение на перевод и публикацию настоящей работы. — Перевод выполнен в рамках государственного задания ФГБНУ «Институт стратегии развития образования Российской академии образования» на 2017-2020 годы № 27.8089.2017/БЧ «Реализация потенциала историко-педагогических исследований в современном педагогическом образовании».

Эпира. В соответствии с традицией, сын Ахиллеса Неоптолем был первым царем этой страны, но династия, произошедшая от него — Пирриды — вскоре погрязла в варварстве как в отношении силы, так и образа жизни (ἐκβαρβαρωθέντων ... τῆ τε δυνάμει καὶ τοῖς βίοις, *Pyrrh.* 1.4). Ситуация изменилась к лучшему, когда прапрадед Пирра Таррип установил греческие обычаи и ученость, а городами управлял, вводя человеколюбивые законы (*Pyrrh.* 1.4).

Этот мифический рассказ предвосхищает ключевую тему, вытекающую из последующего повествования — противоречие между варварством и аккультурацией — и, как это часто бывает у Плутарха, ценность греческого образования как средства борьбы с моральной развращенностью. На другом уровне это связано с инцидентом из младенчества Пирра, который описывает отчаянный побег тех из местных, кто пытался спасти маленького Пирра от враждебно настроенных преследователей. Решающим фактором в этом эпизоде, который обеспечил физическое выживание героя, явилось пересечение бурной реки. Интересно, что пространственное описание реки как места, где происходит действие, включает в себя такие термины как «грозная», «дикая», «жестокая» и «темная» (*Pyrrh.* 2.3-5), в то время как переправа через нее стала возможной посредством написанных сообщений о помощи, которые были направлены через реку (ἐνέγραψεν ... γράμματα, ἀνέγνωσαν ... τὰ γράμματα, *Pyrrh.* 2.6-7). Эта захватывающая история несомненно отражает творческое воображение¹ Плутарха и отдаленная, по всей вероятности, вымышленная, география полноводной реки становится культурно заряженным «фреймом»², который оформляет историю в предложенном виде: спасение эпитотов и их царя основано на использовании букв — признаке цивилизации и образования.

¹ Наиболее близкая параллель находится у Юстина, *Epit. Pomp. Trog.* 17.3.17-20, который просто упоминает о преследовании маленького Пирра врагами его отца до тех пор, пока его не передали супруге царя Главкии.

² *de Jong* (2014). P. 107-108 отличает «сеттинг» от «фрейма» в том смысле, что последний включает в себе далекие, гипотетические сообщения, мечты или воспоминания, которые, тем не менее, могут «значительно расширить пространство рассказа».

Этот центральный паттерн пронизывает все оставшееся жизнеописание в инвертированных версиях, где небрежность культурного воспитания ставит героя в затруднительные положения. В этой главе я хотела бы, прежде всего, взглянуть на отрывки, в которых Пирр встречается с мудрыми советчиками и интеллектуалами, но не постигает их глубоких уроков. Моя цель состоит в том, чтобы проанализировать опасности и ограничения, связанные с воинственным высокомерием (*pleonexia*) Пирра, нежели выявить его причины, что являлось до сих пор общей тенденцией³. В частности, через сравнение с Марием, я хочу показать, что всякий раз, когда военная сфера не затронута греческой философией, риторикой и политикой, в частной и общественной жизни возникают изъяны, такие как пренебрежение родительскими обязанностями, политические бедствия, социальная изоляция и слепое принятие божественных предзнаменований, граничащее с суеверием. В соответствии с целями данного издания, мой анализ «военного пространства» в этой паре жизнеописаний пояснит, что это понятие гораздо более сложное, чем первоначально предполагалось: оно обозначает не только фоновую обстановку, в которой субъекты жизнеописаний (*Плутарха. — А. М.*) традиционно вершат великие дела. Скорее, это текстовая среда, где построение и интерпретация биографического повествования приобретают новые значения и коннотации, связывая военный статус героя с его моральным характером и культурной идентичностью — центральными понятиями в биографическом проекте Плутарха. Поэтому рассмотрение «военного пространства» у Плутарха может пролить свет на цель и проблемы сравнительных жизнеописаний более полно.

Пространства действия и бездействия в жизнеописании Пирра

Жизнеописание Пирра необычно тем, что имеет продолжительное повествование о детстве, юности и молодости героя и, при этом, довольно странным образом отложен рассказ о его образова-

³ Swain (1989d), (1990b) и Pelling (1989) исследовали причины, которые вели к разрушению римских героев Плутарха, подчеркивая тот факт, что их необузданные страсти едва ли когда-либо были сдержаны эллинской пайдейей.

нии. В первых семи с половиной главах читатель знакомится с физической доблестью Пирра, планами экспансии и тем, как он показывает себя в военных действиях. Царь Эпира почтен за свою ответственность и представлен как отражение Ахиллеса или Александра⁴. Плутарх использует гомеровский язык, чтобы описать действия своего персонажа в героических терминах: так, подготавливая к венному успеху, с которым персонаж сталкивается позже, по ходу развития своей карьеры:

«Ожесточенно бились в этом сражении воины, но еще ожесточенней — полководцы. Пантавах, с которым, по общему признанию, ни один из военачальников Деметрия не мог сравниться ни храбростью, ни силой, ни крепостью тела, с присущей ему дерзостью и высокомерием вызвал Пирра на поединок, а тот, не желая никому из царей уступить в мужестве и стремясь, чтобы слава Ахиллеса досталась ему по заслугам, а не в наследство от предков, прошел через первый ряд своих воинов и выступил навстречу Пантаваху. Сперва они метнули друг в друга копьа, а потом сойдясь в рукопашную, бились на мечах столь же упорно, сколь и умело. Пирр получил одну рану, а сам ранил противника дважды — один раз в бедро, другой в шею — и свалил его, но умертвить не смог, так как друзья отбили Пантаваху и унесли. Эпироты, ободренные победой своего царя и дивившиеся его доблести, прорвали своим натиском строй македонян, бросились преследовать бегущих и многих убили, а пять тысяч взяли в плен» (*Pyrrh.* 7.6-10; пер. С.А. Ошерова)⁵.

Это описание военного мастерства Пирра имеет значение для объяснения улучшения его положения как правителя и его экспедиции против Македонии, но оно также объясняет и его длительную приверженность военным наукам (*Pyrrh.* 8.3-4). Согласно повествованию Плутарха, Пирр написал сочинения по военной тактике и лидерству (8.6). Похоже, что он все время изучал и размышлял о

⁴ *Mossman* (1988), (1992) и *Braund* (1997) многое сделали для изучения трагического и эпического формирования таких аллюзий; также *Duff* (1999). Р. 123-126. *Mossman* (2005). Р. 512-515 обсуждает то, как Пирр не смог соответствовать примеру Александра.

⁵ Здесь и далее использован перевод жизнеописаний Плутарха С.А. Ошерова (*А. М.*).

военных делах и заставлял своих подданных думать исключительно о вооружении (16.1-3). Представление успешных эпизодов из его военной карьеры, однако, уравнивается сообщениями о других действиях, которых Пирр осознанно избегает. Хорошим примером, который фигурирует в начале жизнеописания, является анекдот с флейтистами, которых Пирр открыто презрел во время пира (*Pyrrh.* 8.7). Этот случай не просто показывает, что Пирр отстаивает общественную значимость статуса полководца выше, чем флейтиста, но, скорее, неспособность Пирра соответствовать духу общей веселости⁶. Однако есть и некоторые более позитивные примеры его неприятия симпосия, например, когда он великодушно простил юношей, которые, будучи под воздействием вина, бранили его (8.11-12). Вскоре после этого, Плутарх представляет еще один случай, который отражает реакцию других людей на односторонний образ жизни Пирра. Имеется в виду то, что принимая Пирра в качестве своего лидера, народ Тарента вынужден будет оставить фривольную жизнь и пирушки в пользу аскетичной и военной жизни, о которой так изящно выразился в своем предупреждении народу Тарента Метон (*Pyrrh.* 13.8-10):

«Тарентинцы! Как хорошо вы делаете, что позволяете желающим бражничать и шутить (*παίζειν καὶ κομᾶζειν*), пока можно. Но если вы в здравом уме, то поспешите и сами воспользоваться этой вольностью (*καὶ πάντες ἀπολαύσετε ἐτι τῆς ἐλευθερίας*): ведь когда в город явится Пирр, дела пойдут иначе и другая жизнь начнется для нас (*ὡς ἕτερα πράγματα καὶ βίον καὶ διαίταν ἕξοντες*)».

Опять же, описание симпосиального пространства включает в себе силы, противоположные тем, что находятся в пространстве действия Пирра. В действительности, упоминание об увядающем венке и факеле, танцы и пение пьяных симпосиастов и, в частности,

⁶ *Pyrrh.* 8.7: λέγεται γάρ ὡς ἐρωτηθεὶς ἔν τινι πότῳ, πότερον αὐτῷ φαίνεται Πύθων ἀθλητῆς ἀμείνων ἢ Καφισίας, εἶπεῖν ὅτι Πολυτέρχων στρατηγός, ὡς ταῦτα τῷ βασιλεῖ ζητεῖν μόνα καὶ γινώσκειν про σῆκον. («Говорят, что как-то на пиру ему задали вопрос: какой флейтист кажется ему лучше, Пифон или Кафисий? Он же отвечал: “Полководец Полисперхонт, ибо царю пристойно знать и рассуждать только о ратном искусстве”»).

Метона, а также присутствие флейтистки создают сцену, характерную для *kōmos* или пьяной процессии гуляк⁷, то, что Пирр запрещает, как только он принимает власть. Мы узнаем, что он закрыл гимназии и запретил попойки (16.2). Плутарх старается показать представления обеих сторон: для Пирра избегание общественных праздников было делом разумного ограничения, тарентинцы же называли это рабством (16.3). Этот уравновешенный подход призван побудить читателей Плутарха к критическим размышлениям, особенно относительно последствий строгой приверженности тому, что включает понятие «полководческое искусство». Авторское описание симпозиального пространства относится в данном случае к, так называемой, психологизирующей функции пространства, предназначенной разъяснить характер и наклонности героя⁸.

Более того, приверженность Пирра к военным делам подрывает его отношение к родительским обязанностям, поскольку искажает представление о том, как должен вести себя отец. Интересно, что Плутарх умалчивает о каких-либо невоенных отношениях между Пирром и его сыновьями, и, кажется, единственный урок, который преподносит им Пирр, касается значения воинской доблести, имеющей целью установление грубой власти (*Pyrrh.* 9.4-6). Такая воинская пайдейя ставит под угрозу моральную составляющую его сыновей: он собирается завещать свое царство тому сыну, который

⁷ *Pyrrh.* 13.6-7: εἷς δὲ τις ἀνὴρ ἐπιεικῆς, Μέτων ὄνομα, τῆς ἡμέρας ἐκείνης ἐν ἧ τὸ δόγμα κυροῦν ἔμελλον ἐνστάσης καὶ τοῦ δήμου καθεζομένου, λαβὼν στέφανον τῶν ἐώλων καὶ λαμπάδιον, ὡσπερ οἱ μεθύοντες, αὐλητρίδος ὑψηγομένης αὐτῷ πρὸς τὴν ἐκκλησίαν ἐκόμαζεν. οἷα δὲ ἐν ὄχλῳ δημο κρατίας κόσμον οὐκ ἐχούσης οἱ μὲν ἐκρότουσιν ἰδόντες, οἱ δὲ ἐγέλων, ἐκόλυε δὲ οὐδεὶς, ἀλλὰ καὶ τὸ γύναιον αὐλεῖν κάκεινον ᾄδειν ἐκέλευον εἰς μέσον προελθόντα: καὶ τοῦτο λοιῶσων ἐπίδοξος ἦν. («И вот один рассудительный человек, по имени Метон, в день, когда должны были принять решение, надел увядающий венок, взял в руки факел, как делают обычно пьяные, и явился в Народное собрание, сопровождаемый флейтисткой. Как бывает везде, где власть народа не знает должных пределов, толпа, увидев это шествие, встретила его рукоплесканиями и смехом, и никто не остановил Метона, напротив, его просили вместе с флейтисткой выйти на сцену и спеть. Он сделал вид, будто так и собирается поступить»).

⁸ *de Jong* (2014). P. 127-128.

покажет, что обладает самым мощным оружием (*Pyrrh.* 9.3-6, *Reg. et imp. arorphth.* 184С). Пирр побуждает своих преемников к жестокому соперничеству, которое потенциально может привести к братоубийству. Действительно, именно такой результат представлен в «Финикиянках» Еврипида — трагедии, которая является подтекстом к прочтению жизнеописания Пирра и подчеркивает связь между властью и потревоженными семейными узами⁹. Браун обоснованно подчеркивает «очень малую заботу (*Пирра.* — А. М.) о своих сыновьях», полагая, что «их образование служит лишь развлечением для царской *pleonexia*»¹⁰.

Ситуация с Марием напоминает ситуацию с Пирром в том отношении, что первый, опять-таки, является типом жестокого полководца, хорошо знакомого исключительно с военной подготовкой, чья властная личность преобладает над его отеческой ролью. Однажды Марий даже оставил своего сына, чтобы спасти себя (*Mar.* 35.9-11).

В этих сравнительных жизнеописаниях слабое исполнение отцовских обязанностей могущественными отцами компенсировано присутствием Антигона в главе 34 жизнеописания Пирра: моральные принципы, которые Антигон хотел передать своему сыну, основаны на гуманных добродетелях (*philanthrōpia*) и кротости (*praotēs*), а не на самоутверждающей власти. Антигон упрекает своего сына Алкионея за то, что тот принес ему голову Пирра, сочтя это нечестивым и варварским поступком, тогда как хвалит его за то, что он отнесся к сыну Пирра Гелену с состраданием. Рассказ о смерти героя сохранился в нескольких версиях, но Плутарх следует, в основном, той, которая содержится у Страбона (8.6.18) и дополняет ее драматическими деталями, а также эмоциональным эффектом:¹¹

⁹ О «Финикиянках» как подтексте для жизнеописания Пирра см.: Braund (1997). P. 1-10.

¹⁰ Braund (1997). P. 6.

¹¹ Полиэн, *Strat.* 8.68, сообщает о группе аргивских женщин, которые бросали любые тяжелые предметы, а не о конкретной матери: Πύρρος Ἠπειρώτης ἐνέβαλεν εἰς Ἄργος καλέσαντος αὐτὸν Ἀριστέως Ἀργείου. οἱ μὲν Ἀργεῖοι συνέδραμον ἐς τὴν ἀγορὰν μετὰ τῶν ὄπλων, αἱ δὲ γυναῖκες αὐτῶν προκαταλαβόμεναι τὰ τέγη τοῦς Ἠπειρώτας ἄνωθεν βάλλουσαι ἀναχωρῆσαι βιάζονται, ὥστε καὶ Πύρρος, ὁ δεινότατος τῶν στρατηγῶν, αὐτοὺς ἔπεσεν

могучий царь поражен черепицей, брошенной отчаявшейся матерью в попытке спасти своего сына (*Pyrrh.* 34.1-3). Несмотря на то, что Павсаний (1.13.8) также следует традиционной линии этого повествования, он говорит о женщине, не упоминая, что это была обезумевшая мать. Версия этой истории у Плутарха могла явиться просто результатом работы его творческого воображения под влиянием других версий, к которым он обращался, но, в случае если это не так, могла ли она сложиться, по крайней мере в некоторой степени, благодаря общему акценту, который делает Плутарх применительно к недостаточному исполнению родительских обязанностей Пирра, наводя на мысль о том, как это привело его к финальной катастрофе?

Существуют и другие показатели недостатков, произошедших из-за недальновидной военной агенды Пирра, которая, как мы видели, игнорирует важнейшие области жизнедеятельности человека. В жизнеописаниях убежденных полководцев, Плутарх стремится противопоставить военного героя другим фигурам, которые обычно демонстрируют более разнообразный спектр пайдейи¹². Такое противопоставление было названо «контрастирующими личностями» (*Folienfiguren*) и у нас есть два подходящих примера такой фронтационной техники во взаимодействии Пирра с Кинием и Фабрицием в главах 14 и 20-21 соответственно. Несмотря на то, что Ки-

ἐμπεσοῦσης ἐπὶ τὴν κεφαλὴν αὐτοῦ κεραμίδος. αἱ δὲ Ἀργολίδες μέγιστον κλέος ἐν τοῖς Ἑλλήσιν ἤραντο Πύρρου τοῦ πολεμικωτάτου μηδὲ ὑπ' ἀνδρῶν, ἀλλὰ ὑπὸ γυναικῶν Ἀργολίδων πεσόντος. Юстин, *Epit. Pomp. Trog.* 25.5.1-2, сообщает, что Пирр был убит с внешней стороны стен Аргоса камнями, которые бросала армия Антигона: *Repul sus ab Spartanis Pyrrhus Argos petit; ibi dum Antigonum in urbe clausum expugnare conatur, inter con fertissimos uiolentissime dimicans saxo de muris ictus occiditur. Caput eius Antigono refertur, qui uic toria mitius usus filium eius Helenum cum Epirotis sibi deditum in regnum remisit eique insepulsi patris ossa in patriam referenda tradidit.* Наконец Зонара (*Hist. Epit.* 8.VI, vol. II, p. 90, ll. 22-28 *Dindorf* (1869)) передает, что Пирр был убит женщиной, которая потеряла равновесие и упала ему на голову: Πύρρος ... ἐπὶ τὴν Ἑλλάδα στρατεύσας οὐ πολλῶ ὕστερον ἐν Ἄργει ἀπέθανε. γυνὴ γάρ τις, ὡς λόγος ἔχει, παρίοντα αὐτὸν ἰδεῖν ἀπὸ τοῦ τέγους ἐπιθυμήσασα ἐσφάλη καὶ ἐμπεσοῦσα διέφθειρεν αὐτόν.

¹² *Bucher-Isler* (1972). P. 62-68; *Beck H.* (2002). P. 468-469. Ср. *Xenophontos* (2012) о Фабии Максиме.

ней изображен политическим советником Пирра, его старания имели целью не только укрепить царство Пирра, но и были в большей степени направлены на улучшение его морального состояния¹³. По этой причине он использует риторическое красноречие — важнейший инструмент политического успеха — чтобы привести Пирра к некоторой степени самоосознанности через ряд диалектических вопросов. Эта сократическая сцена отсутствует как в соответствующем повествовании Диона Кассия (*Hist. Rom.*, 40.5), так и в «Римской истории» Аппиана («О войнах с самнитами», 17-18, 22-30), предположительно потому, что морализующие нити такого противостояния были менее интересны этим двум историкам. Киней раскрывает тщеславие в *pleonexia* Пирра, пытаясь поправить его политические устремления с помощью лучше упорядоченного морального мировоззрения, однако безрезультатно; в конце концов, Пирр огорчился, а не переменял своих взглядов.

Случай с Фабрицием очень похожий. Фабриций — римский посол, которого Пирр пытается задобрить и подкупить (*Pyrrh.* 20.2-4). Политические действия Пирра здесь наивны, они даже могли бы вызвать скромную улыбку у свидетелей произошедшего: несмотря на то, что Пирр не смог заставить Фабриция принять золото, на следующий день он предлагает ему слона, которого Фабриций снова отвергает. Как представляется, Пирр не понимает значимости политически образованной личности и ошибочно смешивает вещи, которые могли бы быть значимы для полководца с теми, которые потенциально более уместны для политика. Замечания, которые завершают беседу Фабриция с Пирром (20.9), также подчеркивают отсутствие философской осведомленности последнего. В этом эпизоде происходит дискуссия об эпикурействе, которая, что интересно, инициируется и формулируется Фабрицием и Кинеем, а не Пирром, которому не интересны интеллектуальные темы. Эта дискуссия, которую мы не находим у Диона Кассия, посвящена, в частности, эпикурейскому взгляду на избегание общественной жизни, который Пирр и его последователи, как представляется, подерживали, несмотря на тот факт, что они, похоже, уделяли мало

¹³ *Buszard* (2008). P. 203-205 сравнивает диалог Пирра с Кинием с диалогом Сократа с Алкивиадом в *Alcibiades I*.

внимания истинной сути этой доктрины. Плутарх является единственным источником, который, в связи с этим эпизодом прямо ссылается на имя Эпикура (ср. Cic., *De Sen.* 43, Val. Max. 4.3.6), и это отражает стремление биографа подчеркнуть ограниченность философского знания Пирра — области, которая, вероятно, могла бы позволить расцвести природным способностям героя.

Плутарх также интересуется поведением Пирра в религиозной сфере и тем, как это поведение могло повлиять на его военные решения. Повторяющейся темой, которая проходит через военные подвиги героя, является его преданность богам (*Pyrrh.* 3.4, 12.7, 29.3, 30.5, 32.10) и удаче (*tychē*) (26.7), внимание, которое он уделяет сновидениям (29.2-4)¹⁴, предзнаменованиям (31.7) и пророчествам (30.5, 32.8), а также его решение посвятить свою военную добычу богам (26.9). Следует задуматься над тем, что подразумевает такая приверженность божественному, особенно в тех случаях, когда в военных кампаниях Пирр полагается больше на судьбу, нежели на свой рассудок (καὶ τῆ τύχῃ μᾶλλον ἢ τοῖς λογισμοῖς χρώμενος, 26.7)¹⁵. У Плутарха границы между благоговением и суеверием часто размыты, и я бы предположила, что Пирр демонстрирует признаки суеверного человека, которые, вероятно, согласуются с отсутствием у него надлежащей пайдеи.

Наиболее известное описание суеверного человека можно найти в «Характерах» (Δεισιδαιμονίας) Феофраста¹⁶. Однако там, где Феофраст осмеивает,¹⁷ Плутарх анализирует и размышляет¹⁸. Плу-

¹⁴ О сновидениях у Тацита и Плутарха см.: *Pelling* (1997b).

¹⁵ Это напоминает изображение Мария в *Jugurtha* («Югуртинской войне». — А. М.) Саллюстия, особенно 91-95, где возникают схожие вопросы; в 92.6-7 успех Мария представлен как результат случайности, а не умения. В 94.6 удача была на стороне Мария, и он приобрел славу в результате ошибочного суждения. В 92.2 окружение Мария сочло, что он либо обладал божественной проницательностью или все было открыто ему благодаря милостям богов.

¹⁶ О предшественниках Плутарха и использовании суеверного персонажа см.: *Moellering* (1963). P. 80-88.

¹⁷ Несмотря на морализирующую цель «Характеров» Феофраста (*Diggle* (2004). P. 12, следует также из предисловия к работе), комическую линию в изображении персонажей невозможно упустить из вида. *Diggle*

тарх определяет *deisidaimonia* как варварское понятие, а не как греческую характеристику, считая, что она соответствует только нецивилизованным людям¹⁹, и в своем произведении «О суеверии» он предлагает практические инструкции о том, как отличить суеверного человека от атеиста²⁰. Пирр имеет ряд общих черт с суеверным персонажем этого эссе. Начнем с того, что невежество растит суеверие у слабых и податливых личностей (*De superst.* 164E). Отсутствие у Пирра политического и философского знания заставляет его колебаться между присущим ему военной стойкостью с одной стороны и мягкостью, а также человечностью с другой. Во-вторых, если к этому психологическому состоянию добавляется страсть (*pathos*), то происходит нечто очень плохое. *Pathos* Пирра — это его *pleonexia*, которая в конечном итоге, как мы уже рассмотрели, вызывает у него серьезные проблемы на разных уровнях. В-третьих, *deisidaimōn* взволнован сновидениями (165E ff.)²¹ и постоянно консультируется с провидцами, верит предзнаменованиям (168F); это присуще и Пирру, как мы уже видели. Более того, в 167B Плутарх цитирует Платона в поддержку утверждения, что музыка может контролировать «беспокойную» часть души, которой не хватает тонкости и изящества; антипатия Пирра к музыке и досугу может объяснить его неполноценность в этом отношении. Наконец, *deisidaimōn* не любит политиков и философов (167E); можно вспомнить встречу Пирра с Кинием и Фабрицием и его слабое понимание эпикурейских доктрин.

Правда, в изображении Пирра есть нечто большее, чем это. Он не ненавидит и не обвиняет богов (168C; 170E), он также не бездействует из-за страха божественного возмездия (168C). Тем не менее,

(2004). P. 349 отмечает, что несмотря на то, что *deisidaimōn* должен быть нейтральным или даже положительным термином, у Феофраста он приобрел негативный оттенок.

¹⁸ О суеверии как черте, которую политик у Плутарха должен сдерживать в своем поведении, *Wardman* (1974). P. 86-93.

¹⁹ *Nikolaidis* (1986) противопоставляет греческие и варварские элементы. Ср. *Schmidt* (1999).

²⁰ О суеверии у Плутарха, *Pérez-Jiménez* (1996), особенно 204-205 n. 42 для дальнейших ссылок.

²¹ *Феофраст* 16.11 с *Diggle* (2004). P. 368.

мы обнаруживаем существенные признаки в его суеверном поведении,²² которые соответствуют тем акцентам, которые обычно выделяют в этом поведении других военных героев. Даже Никий (*Nic.* 23-24), который не является исключительно военным персонажем, по своей природе подвергся суеверию во время кампании. С другой стороны, анекдот об образованной реакции на общественную *deisidaimonia*, который содержится в *Pericles* 6, отражает то, как аргументированное объяснение может устранить необоснованные представления, и, таким образом, установить пределы обращения к божественному, предполагающиеся в военной и политической сферах.

**Военное пространство и пайдейя
в «Жизнеописании Мария»**

Возвращаясь к «Жизнеописанию Мария», я хочу исследовать, как Плутарх устанавливает некоторые общие элементы в пространствах действия двух героев, а также дать комментарий относительно значимости этих установлений для представлений Плутарха о культуре. В отличие от Пирра, с самого начала «Жизнеописания Мария» образование находится в центре внимания, где подчеркивается неприятие Марием эллинской культуры в пользу римской военной культуры (2.1-2): по мнению Мария, это было бы полным абсурдом учиться у учителей, которые сами были рабами римлян. Его сопротивление греческой пайдейе также обнаруживается в изречении, приписываемом Платону, в котором подчеркивается его противопоставление Музам и Грациям (*греч. Харитам. — А. М.*),²³ что объ-

²² *Alex.* 75.1-2; ср. *Fab.* 4.4.

²³ *Mar.* 2.3-4: ὅσπερ οὖν Ξενοκράτει τῷ φιλοσόφῳ σκυθρωποτέρῳ δοκοῦντι τὸ ἦθος εἶναι πολὺ λάκις εἰώθει λέγειν ὁ Πλάτων· ὦ μακάριε Ξενοκράτες, θῆε ταῖς Χάρισιν, οὕτως εἶ τις ἔπεισε Μάριον, θύειν ταῖς Ἑλληνικαῖς Μούσαις καὶ Χάρισιν, οὐκ ἂν ἐκπρелеστάταις στρατηγίαις καὶ πολιτείαις ἄμωρ φωτάτην ἐπέθηκε, ὑπὸ θυμοῦ καὶ φιλαρχίας ἄωρου καὶ πλεονεξιῶν ἀπαρηγορήτων εἰς ὀμότατον καὶ ἀγριώτατον γῆρας ἐξοκειλάς. ταῦτα μὲν οὖν ἐπὶ τῶν πράξεων αὐτῶν εὐθὺς θεωρεῖσθω. («Платон часто говорил философу Ксенократу, который отличался угрюмым характером: “Ксенократ, приноси жертвы Харитам”. И если бы кто-нибудь так же уговорил Мария приносить жертвы эллинским Музам и Харитам, то его славные деяния на войне и в управлении государством не завершились бы

ясняет многие поспешные изменения в его поведении, совершенно непохожие на происходящие в «Жизнеописании Пирра». Эта особенность становится решающей по ходу повествования и подчеркивается повсюду: в 3.2 мы встречаем изменение и приспособление Мария к новому образу жизни; в 4.7 и 5.3 мы видим два случая быстрой смены политического решения; в 28.1-2 происходит наносное изменение в его характере, когда он притворяется мягким и склонным к демократии, чтобы угодить народу; в 29.1 он вызвал ненависть патрициев за смену своей политической позиции; наконец, в 34.3-7 мы видим, что Марий в старости поддался роскоши, несмотря на его простой, до тех пор, образ жизни.

В главе 29 присутствие Метеллы призвано подчеркнуть контраст между политическими практиками двух человек, пролить свет на отсутствие у Мария надлежащей пайдейи и, в конечном счете, продемонстрировать извращенную форму государственного управления Мария: полководец рассматривает нечестность перед обществом как элемент политической добродетели, в то время как Метелл принимает аксиому Пиндара, которая соответствует принципу политической морали²⁴. Метелл типичная «контрастирующая личность» и, что интересно, он философски образован (*Mar.* 29.12), поэтому Плутарх очень высоко оценивает его²⁵.

столь безобразно, а гневливость, недостойное властолюбие и ненасытная алчность не сделали бы его в старости таким свирепым и жестоким. Все это мы сейчас увидим из его дел»).

²⁴ *Mar.* 29.5: αὐτὸς μὲν γὰρ εἰς ἀρετῆς καὶ δεινότητος μερίδα τὸ ψεύσασθαι τιθέμενος, λόγον οὐδένα τῶν πρὸς τὴν σύγκλητον ὠμολογημένων ἔξειν ἔμελλε, τὸν δὲ Μέτελλον εἰδὼς βέβαιον ἄνδρα καὶ τὴν ἀλήθειαν ἀρχὴν μεγάλης ἀρετῆς' κατὰ Πίνδαρον ἠγούμενον, ἐβούλετο τῇ πρὸς τὴν σύγκλητον ἀρνήσει προληφθέντα καὶ μὴ δεξάμενον τὸν ὄρκον εἰς ἀνήμεστον ἐμβαλεῖν πρὸς τὸν δῆμον ἔχθραν. («Считая ложь неотъемлемым свойством доблестного и разумного человека, Марий не собирався выполнить то, о чем говорил в сенате, и зная стойкость Метеллы, уверенного, что — пользуясь выражением Пиндара — “правдивость есть начало добродетели”, хотел использовать его отказ принести клятву, чтобы вызвать в народе жестокую ненависть к нему. Так оно и вышло»).

²⁵ Рассмотрим установленное Бузардом (*Buszard*) меткое различие между личной добродетелью Метеллы и его политической эффективно-

Упомянутая выше цитата из Платона, демонстрирующая взгляд Плутарха на неприятие Марием Муз и Граций, напоминает о трактате «О суеверии», который помогает отнести Пирра к категории суеверных людей. Исходя из этого логично начать поиск схожих элементов и в «Жизнеописании Мария». Действительно, здесь также можно найти многочисленные упоминания о роли богов (4.1, 8.5), значении *tuchē* (7.2, 14.1, 23.1, 19.10), прорицателях, обращению к предзнаменованиям и божественным знакам, а также жертвоприношениям (17.2, 22, 26.2-4, 36.8-10, 38.7-10, 40.13)²⁶. Более того, в 42.7 Плутарх предполагает, что прорицания губительны и считает парадоксом то, что использование прорицаний принесло Марию спасение, а Октавий был погублен ими. Более того, в 45.5 Марий плохо спит и мучается кошмарами. Как и Пирр, Марий также переступает грань между благоговением и суеверием, однако в данном случае это не повлияло на его падение напрямую. В целом, неприятие Марием культуры удерживало его сосредоточенным на войне, а природная неспособность к мирной и гражданской деятельности (31.3) не смогла развиться из-за отсутствия надлежащего обучающего воздействия. В «Жизнеописании Мария» также можно разглядеть как эти качества могут оказывать положительное влияние на ведение войны, но губительно проявляют себя в политике.

Заключение: военное пространство и культурная идентичность

В «Жизнеописаниях» Пирра и Мария Плутарх подчеркивает занятие героев военным делом и отсутствие у них интереса к интел-

стью. Это правда, что Метелл, несмотря на его «восхитительную личность» и «благородное поведение» поддается политическим ошибкам. Это, однако, не подрывает его политическую пригодность: его ошибки, в отличие от ошибок Мария, не пристраиваются от невоспитанной личности, (2005). P. 491. Метелл является контрастной фигурой к Марию также и у Саллюстия, но в его обсуждении образование не является настолько важной чертой. Было бы интересно сравнить и выявить контраст с Саллюстием, хотя Плутарх, возможно, не знал «*Югуртинскую войну*» напрямую (в отличие от «*Истории*»). О Метелле и Марии в «*Югуртинской войне*» смотри также *Syme* (1964). P. 142-151.

²⁶ О Марии и богах, *McDonnell* (2006). P. 267-271.

лектуальной, общественной и семейной деятельности. Однако их преданность военному делу по разным причинам оправдана. Пирр приобретает в тексте весьма сложную культурную идентичность; он определенно не римлянин, но также и не чистокровный грек. И эта ситуация остается нерешенной потому, что Плутарх напрямую не связывает военную алчность Пирра с незнанием греческой культуры. Биограф стремится преуменьшить любые прямые связи с эллинской культурой. Для Мария, напротив, осознание себя с *Romanitas* ярко выступает с самого начала биографии и напрямую связано с его отрицанием греческой пайдейи. Возможно, это имеет отношение к общей тенденции Плутарха определять и судить относительно связей его римских героев с эллинской культурой; однако одно из следствий его отсылок к культурным категориям заключается в том, что Плутарх не интересуется определением идентичности своих героев просто на основе происхождения, но больше в свете их этического поведения. Как мы видели, в биографическом проекте Плутарха успехи героев во многом зависят от их деятельности в культурной и нравственной сферах²⁷.

БИБЛИОГРАФИЯ И ЕЕ СОКРАЩЕНИЯ

(REFERENCES)

- Beck H. (2002) — Beck H. *Interne synkrisis bei Plutarch* // *Hermes* 130.4. 2002. P. 467-489.
- Braund (1997) — Braund D. *Plutarch's Pyrrhus and Euripides' Phoenician Women: Biography and Tragedy on Pleonectic Parenting* // *Histos* 1. 1997. P. 1-10.
- Bucher-Isler (1972) — Bucher-Isler B. *Norm und Individualität in den Biographien Plutarchs*. Bern and Stuttgart: Haupt, 1972.
- Buszard (2005) — Buszard B.B. *The decline of the Roman Republic in the Pyrrhus–Marius* // *The Statesman in Plutarch's Works, Volume II: The Statesman in Plutarch's Greek and Roman Lives (Mnemosyne Supplements 250.2)* / Eds. Lukas de Blois, Jeroen Bons, Ton Kessels and Dirk M. Schenkeveld. Leiden and Boston: Brill, 2005. P. 281-296.

²⁷ См. также дискуссию в *Xenophontos* (2016).

- de Jong (2014) — de Jong Irene J.F. *Narratology and Classics: A Practical Guide*. Oxford: Oxford University Press, 2014.
- Diggle (2004) — Diggle J. *Theophrastus Characters*. Edited with introduction, translation and commentary. Cambridge: Cambridge University Press, 2004.
- Dindorf (1869) — Dindorf L.A. *Ioannis Zonarae epitome historiarum*, Vol. 2. Leipzig, 1869.
- Duff (1999) — Duff T.E. *Plutarch's Lives. Exploring Virtue and Vice*. Oxford: Oxford University Press, 1999.
- McDonnell (2006) — McDonnell M. *Roman Manliness: Virtus and the Roman Republic*. Cambridge and New York: Cambridge University Press, 2006.
- Moellering (1963) — Moellering H.A. *Plutarch's De superstitione, its Place in the Changing Meaning of Deisidaimonia and in the Context of his Theological Writings*. Boston: Christopher Publ., 1963.
- Mossman (1988) — Mossman J. *Tragedy and Epic in Plutarch's Alexander* // JHS 108, 1988. P. 83-93.
- Mossman (1992) — Mossman J. *Plutarch, Pyrrhus, and Alexander* // *Plutarch and the Historical Tradition* / Ed. Philip Stadter. London and New York: Routledge, 1992. P. 90-108.
- Mossman (2005) — Mossman J. *Taxis ou Barbaros: Greek and Roman in Plutarch's Pyrrhus* // *Classical Quarterly*. 55. 2005. P. 498-517.
- Nikolaidis (1986) — Nikolaidis A.G. *Ἑλληνικός-βαρβαρικός*. *Plutarch on Greek and Barbarian Characteristics* // *Wiener Studien*. 99. 1986. P. 229-244.
- Pelling (1989) — Pelling C.B. R. *Plutarch: Roman heroes and Greek culture* // *Philosophia Togata: Essays on Roman Philosophy and Society* / Eds. Miriam T. Griffin and Jonathan Barnes. Oxford: Clarendon Press. P. 199-232.
- Pelling (1997b) — Pelling C.B. R. *Tragical dreamer: some dreams in the Roman Historians* // *Greece and Rome*. 44.2, 1997. P. 197-213.
- Pérez-Jiménez (1996) — Pérez-Jiménez A. *Δεισιδαιμονία: el Miedo a los Dioses en Plutarco* // *Plutarchea Lovaniensia. A Miscellany of Essays on Plutarch* / Ed. Luc Van der Stockt. Leuven: Universitas Catholica Lovaniensis. P. 195-225.
- Schmidt (1999) — Schmidt T.S. *Plutarque et les Barbares. La rhétorique d'une image*. Leuven and Namur: Peeters, 1999.
- Syme (1964) — Syme R. *Sallust*. Berkeley, Los Angeles and London: University of California Press, 1964.

- Swain (1989d) — Swain S.C.R. Character change in Plutarch // *Phoenix* 43. 1989. P. 62-68.
- Swain (1990b) — Swain S.C.R. Hellenic Culture and the Roman Heroes of Plutarch // *JHS* 110, 1990. P. 126-145; repr. in: *Essays on Plutarch's Lives* / Ed. Barbara Scardigli. Oxford: Oxford University Press, 1995. P. 229-264.
- Wardman (1974) — Wardman A. *Plutarch's Lives*. London: Paul Elek Ltd., 1974.
- Xenophontos (2012) — Xenophontos S. *Περὶ ἀγαθοῦ στρατηγοῦ: Plutarch's Life of Fabius Maximus and the Ethics of Generalship* // *Hermes* 140.2, 2012. P. 160-183.
- Xenophontos (2016) — Xenophontos S. *Ethical Education in Plutarch: Moralising Agents and Contexts*. Berlin: de Gruyter, 2016.